

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

ТАТЬЯНА
Доценко

Мой БЫВШИЙ -
БУДУЩИЙ сват

Татьяна Донченко

Мой бывший - будущий сват

«Автор»

2026

Донченко Т.

Мой бывший - будущий сват / Т. Донченко — «Автор», 2026

– Куда ты, Наташ? Давай поговорим? – схватив меня за локоть, Марат попытался развернуть меня к себе лицом. Я отдернула руку и с вызовом посмотрела ему в глаза. В его – испуг, желание обелить себя, свои поступки, в моих – застывшие слезы и... усталость. – О чем говорить? О том, как ты предал меня? Мерзко, низко! О том, что опустил руки и не попытался бороться за нас? Мне противно даже думать об этом! Вспоминать о тебе и этой... Голос сорвался на хрип. Столько лет прошло, а меня по-прежнему больно ранит этот мужчина. Вот так сюрприз, да? – Позволь рассказать тебе правду, все не так, как ты... – Не так, как я думаю?! – какая ирония, что я снова купилась, очаровалась этим человеком. – Взрослый мужик, построивший целую империю, не смог придумать ничего убедительней, чем... А дальше он запер дверь своего кабинета на замок и развернулся ко мне с хищным блеском в глазах. – Что ты творишь, у нас дети в приемной, ждут нашего решения... – Подождут! – перебил он и закрыл мне рот властным поцелуем.

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Татьяна Донченко

Мой бывший - будущий сват

1

После сорока не стоит слишком пристально разглядывать себя в зеркале.

Если, конечно, у вас изначально нет цели испортить себе настроение...

Стояла в ванной после душа, зеркало полностью запотело, кроме одного стратегически протертого ладонью пятна – ровно такого размера, чтобы видеть себя целиком.

Сорок лет. Круглая дата, и тело, что характерно, тоже стало более... круглым. Или, скорее, более тягучим.

Гравитация – не просто теория, а ежедневная практика, которую мое тело исправно выполняет.

Смотрю на грудь. Ах, мои бывшие «упругие яблочки» – где вы?

Теперь она больше напоминает носки, небрежно набитые манной кашей. Они ещё помнят форму, и хороший дорогой пушاپ поможет ее держать, но сама она уже... без энтузиазма. Провисла с таким видом, будто устала держать оборону и решила наконец расслабиться.

А живот! Не кубики, не плоское равнинное раздолье, а нечто мягкое, уютное и решительно отказывающееся втягиваться дольше, чем на пять секунд.

Живот, как верный пёс, который вечно стремится лечь тебе на колени.

И шрам от битвы за материнство. Награда – дочь. Цена – этот самый «фартучек», как деликатно называют его на форумах.

Ох, а лицо. Межбровка. Эта заломленная, недовольная складка меж бровей, которую я называю «печатью хронического умственного напряжения».

Она появилась лет десять назад и с тех пор лишь углубляется, будто я всю жизнь решаю интегральные уравнения, а на деле просто пытаюсь удержаться на плаву со своим бизнесом.

Несколько лет назад открыла иностранную школу. Потом – пару филиалов по городу. А два года назад развелась.

Николай Прохоров – переводчик высшей категории при официальных делегациях и персональный переводчик представителей власти, уехал в Китай работать при посольстве. Жену и дочь с собой решил не брать.

А когда я начала выяснять почему – узнала на свою голову, что там у него, оказывается, уже давно живет вторая семья. Китайка Син Ляо и сын Мин Дзу.

“Ну и пошел он в ... “мин зду”!” – повторяла моя лучшая подруга Марина до тех пор, пока я не пришла в себя от шока.

Шок, оказалось, – это роскошь, которую настоящая бизнесвумен не может себе позволить. Бизнес просел, прибыль едва покрывала расходы. Хоть плачь!

Морщинки у глаз – не лучики, а скорее лучи. От смеха? Если бы. Скорее от бессонных ночей, от забот, от того, как шуришься на людей, думая: «Боже, как же бездонна человеческая глупость!».

Подняла руками грудь повыше, и в голове сформировалась четкая мысль: «А что, если?»

В кой-то веке скопила-таки деньги. Не на яхту, конечно, не на учебу дочери, а лично для себя. Впервые за 40 лет! Может, сделать «коррекцию»? Вернуть грудь на её историческую родину, повыше.

Ох, как представлю: лифтинг, силикон, гладкая кожа без намёка на провисание. Одежда будет сидеть иначе. Платье без бюстгальтера – опять станет дерзким жестом, а не проблемой инженерии.

Мысль сладка и ядовита одновременно. Потому что за ней тянется шлейф вопросов. Не попытка ли обмануть время, которое я вроде как мудро должна принимать? И главное: я хочу этого для себя – или для того призрачного взгляда со стороны, который давно уже даже не ищущу?

Вытерла зеркало начисто. Передо мной женщина. Не девочка. Мое тело – не ошибка и не проект.

И, может, стоит потратить накопления не на силикон, а на шикарное бельё, которое подчеркнёт нынешние формы, на массаж, на выходные в спа-отеле одной?

Или просто отложить, чтобы вложить в новое безумное хобби?

Гравитацию не обманешь. Но чувство юмора и легкую самоиронию – можно культивировать. Они держат настроение куда лучше любого хирургического шва.

Выключила свет и вышла из ванной.

Решила проблему, прикинувшись Скарлетт О'Хара. Мудрая была героиня. Я тоже не буду думать об этом сегодня. И, возможно, подумаю об этом завтра.

##♥##

Шла по коридору с чашкой остывающего чая, нацелившись на диван и тихий вечер с книгой. Тишина в квартире была привычной – мы с дочерью уже давно научились мастерски избегать друг друга, выстраивая маршруты из комнаты в кухню так, чтобы не пересекаться. Её дверь всегда была закрыта. Заслон от меня.

И вот, в этот самый вечер, из-под этой двери донёсся звук. Сначала – глухой удар, будто что-то тяжёлое и твёрдое швырнули об пол. Потом – сдавленный, яростный крик, больше похожий на рычание.

Я замерла, будто вкопанная, пальцы непроизвольно сжали чашку.

И полилось. Сквозь дубовую преграду, шипящим, сдавленным от бешенства потоком. Мат. Отборный, жёсткий, техничный. Не площадная брань, а какая-то точная, методичная разборка на части.

Она материлась на русском, потом срывалась на английский, вклинивала что-то резкое и отрывистое на китайском.

Это был не срыв истеричного ребёнка. Это была холодная, кипящая ярость загнанного в угол зверя.

А потом, сквозь этот шквал, пробился другой звук. Сначала – всхлип. Один-единственный. И потом – тихий, безнадежный, разрушающий душу плач.

Она не рыдала навзрыд. Она выла. Глухо, уткнувшись во что-то, пытаясь задавить этот звук назло ему.

«Назло». Это было ключевое слово последних лет.

Она, наша блестящая лингвистическая принцесса, наследница кафедр и учебников, с детства щёлкающая языки как орехи, – подала документы на инженерную специальность.

Я помню её взгляд тогда: холодный, вызывающий, победный.

– Ну кто кого ломает, мама?

Она сломала. Поступила. А потом, уже позже, из небрежно оброненных слов нашего общего знакомого, я узнала крошечную деталь. Её поступление, это её «триумфальное» преодоление, – проплатил ее отец, Коля.

Тот самый, к которому она так рвалась в Китай после школы, а я, «злая, черствая мать», не пустила. Не сказав ей главного: что у него там уже есть новая жена и маленький сын.

Я думала, берегу её мир. А стала в её глазах тюремщицей, которая украла у неё отца.

Замерла у двери, и так хотела её открыть. Войти, сесть на край ее постели, обнять этот содрогающийся от рыданий комок горя и сказать...

А что сказать? «Прости, что не пустила тебя к папе, у которого была другая семья»? «Прости, что не сказала тебе правду, сделав себя монстром»? «Прости, что каждый раз, желая для тебя лучшего, совершаю ошибку»?

– Тая? Можно войти? – постучалась в ее дверь, сплошь оклеенную предупреждениями по типу тех, что висят на трансформаторной будке: «Не входи, убьет!», «Опасно для жизни!», «Мамам вход воспрещен!».

– Как хочешь... пофиг...

Ого! Должно быть, что-то серьезное, раз уж не отправила меня куда подальше.

Я вошла.

Комната дочери всегда была для меня отдельной планетой со своим климатом и ландшафтом, но сейчас она напоминала поле после битвы.

Бардак. Это было слишком мягкое слово. На столе, заваленном учебниками с непонятными схемами и графиками, соседствовали три пустые чашки из-под кофе, обертка от шоколада и рассыпавшиеся крошки печенья.

Одежда – джинсы, свитера, носки – лежала не в шкафу, а на стуле, на спинке кровати, на полу.

Я старалась не замечать этого хаоса, как старалась годами не замечать того барьера, что вырос между нами. Но сегодня это было невыносимо.

Она лежала на кровати, отвернувшись к стене, скрючившись в позе эмбриона. Ноги в простых серых носках были поджаты, спина, одетая в растянутую старую футболку какого-то забытого рок-фестиваля, казалась уязвимой и хрупкой.

Её светлые волосы, обычно собранные в тугую, деловой пучок или аккуратную причёску, сейчас рассыпались по подушке. Плечо слегка вздрагивало.

Я медленно опустилась на край её постели. Матрас прогнулся под моим весом, и её тело чуть качнулось ко мне, произвольное движение, вызванное физикой, а не желанием.

Очень медленно, будто боясь спугнуть, я положила ладонь ей на голову. Её волосы были теплыми, немного влажными у висков – от слёз или пота. Она не отстранилась. Не дернулась. Это был незначительный, но важный знак.

Я начала гладить её по голове, как гладила много лет назад, когда она приходила из школы, обиженная на подруг, или когда у неё болел живот.

Движения были неуверенными, скованными от долгой отчужденности, но ритмичными. Потом моя рука спустилась на её спину, стала водить ладонью по футболке, ощущая под тканью тонкий, напряженный позвоночник.

Она всё так же лежала неподвижно, лицом уткнувшись в подушку, но её дыхание, ранее прерывистое и сдавленное, стало чуть глубже.

Уснула.

Её правая рука, сжатая в кулак, раскрылась.

В ней – пластиковый, тонкий предмет.

Тест на беременность. С двумя яркими полосками.

2

Утро началось в тишине.

Готовила завтрак с маниакальной тщательностью, будто от равномерности прожарки омлета или симметрии бутерброда зависела судьба мира.

А может, так оно и было. Мой мир, вся моя вселенная, хрупкая и расколотая, сейчас спала за тонкой стенкой, и от этого утра, от этих первых слов зависело все.

Мое волнение было физическим. Оно щекотало под ложечкой, заставляло пальцы слегка дрожать.

Я ловила себя на том, что задерживаю дыхание, прислушиваясь к малейшему шороху из ее комнаты.

Сегодня я решила, что всему пришел конец: играм в молчанку, войнам взглядов через кухонный стол, упрекам. Сегодня мы будем говорить. Должны.

Я мысленно перебирала фразы, искала правильные слова, но все они казались картонными. Решила положиться на простое, на вечное: на запах кофе и теплого хлеба. На единственный язык, который между нами никогда не прерывался.

Тая вошла бесшумно.

Обернулась от плиты, и сердце совершило в груди медленное, тяжелое сальто.

– Доброе утро, – поприветствовала я.

Она уже сидела за столом, в своем привычном месте, сгорбленная, будто стараясь занять как можно меньше места. Растрепанная. В огромном, сползающим с одного плеча черном свитере, в каких она ходила дома.

Лицо было бледным, прозрачным, без привычного защитного слоя косметики, и заплаканным. Все в ней выдавало вчерашнюю бурю.

Но в этом была такая уязвимая, такая щемящая красота, что у меня перехватило дыхание.

Я никогда не говорила ей, какая она красивая. Мне казалось, она и так знает, видит это в зеркале, в восхищенных взглядах. Светлые, тонкие как шелк волосы, выбившиеся из небрежного пучка, обрамляли лицо с ангельскими, миловидными чертами.

Большие, невероятно голубые глаза. Она была похожа на того ангелочка, что сошел с церковной фрески, надел рваные джинсы, накрасил глаза черной подводкой и заявил, что ему на все наплевать.

В ее опущенных ресницах, в нервном движении пальцев, теребящих край свитера, я вдруг увидела ту самую маленькую Тасю, которая боялась грозы и забиралась ко мне под бок.

Мы молчали. Ее взгляд был прикован к трещинке на столешнице, будто в ней была заключена вся тайна мироздания. Я открыла рот, чтобы сказать что-то нейтральное, банальное, но в этот момент она принялась.

Ее лицо исказилось. Глаза широко раскрылись, в них мелькнул панический, животный ужас. Она поднесла ладонь ко рту.

Мгновение, еще одно – и она сорвалась с места, с грохотом задев стул. Ее босые пятки зашлепали по кафелю коридора, дверь в туалет захлопнулась. А через секунду донесся приглушенный, мучительный звук.

Я выключила газ под сковородой. Рука дрогнула. Все мои приготовленные речи, вся моя решимость, все планы на «важный разговор» растворились в этом простом, жестоком, физиологическом факте. Токсикоз.

– Ясно, – прошептала я в тишину опустевшей кухни.

Черт, не думала, что это будет так сложно.

Тая вернулась.

Этот простой факт отозвался во мне тихой, но мощной волной облегчения.

Она не убежала, не захлопнулась в своей комнате, не спряталась за броню из молчания и наушников.

Медленно, будто против своей воли, вышла из туалета, бледная, с мокрыми от умывания прядями волос на висках, и села за стол.

Значит, хотела поговорить. Значит, где-то в глубине, за всеми стенами, ей было так же страшно и одиноко, как и мне.

Я почувствовала не просто облегчение – я почувствовала свою нужность. Ту самую, первобытную, истинную. Не как собеседника, не как оппонента, а как мать.

Я молча налила ей стакан чистой, прохладной воды и поставила перед ней. Села напротив.

Стол между нами был и мостом, и баррикадой.

Посмотрела на ее руки, сжатые вокруг стакана – пальцы были длинные, тонкие, как у отца, но сейчас они выглядели такими беспомощными.

Я протянула свою руку и осторожно накрыла ею ее ладонь и спросила. Сразу в лоб, без предисловий:

– Кто отец?

Она дернулась, будто от удара током. Глаза, широкие, синие-синие, метнули испуганный, почти животный взгляд. В них читался чистый, неприкрытый ужас – от вопроса, от его прямоты, от того, что тайное стало явным.

На секунду она застыла, изучая мое лицо, ища в нем осуждение или гнев. А потом в ее взгляде что-то щелкнуло. Осознание или скорее спусковой крючок.

Испуг сменился холодной, резкой ясностью. Она поняла, что я видела ту маленькую пластиковую палочку, валявшуюся на ее простыне.

– Это первое, что ты хочешь знать? – ее голос был напитанным ядом давней обиды. – Ни «как ты себя чувствуешь», ни «какой срок», ни «что теперь делать?» Нет, конечно. Сразу – «кто отец».

Разговор с дочерью всегда был как хождение по минному полю. Ты мог задать самый безобидный, самый естественный вопрос, и получить поток выдержанного негатива.

Я знала это. Я ждала этого. И все равно внутренне содрогнулась.

– Прости, просто... ты, насколько я знаю, ни с кем не встречаешься и...

Она вытащила руку из-под моей, отпила глоток воды, поставила стакан со слишком громким стуком.

– Я не шл*ха, если ты об этом! – бросила она, и ее голос начал набирать силу, срываться на ту самую горькую, знакомую истерику.

– Я не об этом, – сразу уточнила я.

– Это все Каримов! Я думала, что нравлюсь ему, а он... просто козел! Сказал, что я сама виновата, что это моя проблема, а не его.

– Тасенька... – начала я, но она меня не слышала. Ее прорвало. Поток горьких слез хлынул из глаз.

Я под села к ней ближе, осторожно и обняла. Чувствовала, как ее худенькое тело дрожит мелкой дрожью.

Инстинктивно, движением, отточенными годами, я начала легонько покачиваться, укачивая ее, как когда-то, много лет назад, укачивала свою малышку, прижимая к груди.

– Всё, доченька, всё, – шептала я в ее волосы, пахнувшие дорогим шампунем. – Я с тобой. Мы вместе. Всё будет хорошо.

Но вместо того, чтобы расслабиться, раствориться в этом старом, как мир, ритме утешения, она вся напряглась.

– Мам, не качай, – выдавила она. – От этого... меня сейчас опять затошнит. Не трясись.

Я медленно разжала объятия, но не отодвинулась, оставила ладонь на ее спине.

– Милая, расскажи мне всё, – мягко сказала я. – Ну, помнишь, как ты всегда говорила: «Слушаем и не осуждаем». Я готова.

И тогда, глядя куда-то в стену слезящимися, невидящими глазами, она сказала.

– Это Каримов. Амир. С моего потока. Ну, тот, у которого отец – какой-то крутой, владелец «Медиа-Авто»...

«Медиа-Авто». Да, я слышала. Сеть автосалонов, с рекламой на всех билбордах. В одном из них я и сама была на выезде из города.

Пару лет назад там меняла масло в своей скромной иномарке, сидела в стерильном холле с кофе из автомата и наблюдала за менеджерами в идеальных костюмах, снующими между блестящими внедорожниками стоимостью с мою трехкомнатную квартиру.

Владелец. Крутой. Все складывалось в единую, неприглядную картину. Сынок папочки. Тот, кому всё позволено.

Тася что-то еще говорила, бормотала сквозь слезы, уткнувшись лицом в мое плечо.

Поток слов был сбивчивым, прерывистым. Что-то про то, что он... «тащер»? Или «ящер»?

Никогда не понимала этот молодежный сленг, эту тарабарщину, которая каждый год меняется, чтобы такие, как я, окончательно потеряли ключ к их вселенной.

Но все эти странные слова пролетели мимо, не задев сознания. Потому что в ушах гудело одно.

Фамилия Каримов.

Она резанула меня не по слуху. Она резанула по самому больному, по старой, плохо зажившей ране, которая никогда по-настоящему не закрывалась.

В памяти, против воли, всплыл другой мужчина, не мальчик, с такими же, наверное, холодными, оценивающими глазами.

Другой обладатель этой фамилии, от которого когда-то сбежала я сама, с одним рюкзаком и дикой болью в сердце.

И теперь эта фамилия, как проклятие, вернулась в мою жизнь.

Через мою дочь.

Если это тот самый Каримов, о котором я думаю, то...

Ему лучше бежать из города.

Потому что я твердо намерена привлечь всех виновных к ответственности!

3

Все во мне закипело. Не просто гнев. Холодная, ясная, свинцовая ярость. Не на нее. Никогда на нее. На него. На этого Амира. На его отца. На весь их устроенный, благополучный мир, который позволял своим сыновьям играть в жизни чужих дочерей.

Я посмотрела на Тасю. Она выдохлась, слезы потекли тише, но от этого было только страшнее. Она сидела, обхватив себя за плечи, маленькая, сломанная кукла, в которую вселился ужас взрослой жизни.

Разговаривать сейчас, выпрашивать детали, выяснять, что значит это дурацкое «ящер» – бесполезно. Она в полубоморочном состоянии. Она не способна сейчас ни на диалог, ни на решение.

Мне нужно было действовать. Не как подруга, не как психолог. Как мать. Как волчица. Как единственный человек, который сейчас встанет между ней и этим миром.

Я медленно поднялась. Ноги были ватными, но спина выпрямилась сама собой.

– Ладно, – сказала я, и мой голос прозвучал удивительно ровно, спокойно. Таким тоном я обычно говорила на работе, принимая самые тяжелые решения. – Ты останешься дома. Ложись, попробуй поспать. Выпей воды.

Она тупо посмотрела на меня, не понимая.

– А ты?..

– Я, – сказала я, уже доходя до прихожей и снимая с вешалки свое обычное, будничное пальто, – пойду разбираться.

Я не уточняла, куда и с кем. Она не спрашивала. В ее глазах мелькнуло что-то вроде облегчения.

Надевая пальто, я взглянула на свое отражение в зеркале в прихожей. Обычная женщина, слегка уставшая, с немодным беспорядочным пучком, в практичном пальто. Ничего особенного.

Ничего, что могло бы внушить страх такому «Каримову». Но в глазах – сталь материнской ярости и решимости.

Я вышла из квартиры, тихо прикрыв дверь. В ушах все еще звенела эта фамилия. Каримов. Ну что ж. Посмотрим, что скажет папа-владелец «Медиа-Авто», когда к нему в салон придет разбираться одна очень, очень рассерженная мать.

##♥##

Лифт в головном офисе «Медиа-Авто» был зеркальным со всех сторон. Я оказалась в центре собственного, слегка растерянного, отражения.

Пока кабина бесшумно несла меня на двадцатый этаж, я судорожно вытащила из сумочки помаду – какой-то дерзкий, почти неприличный, оттенок красного, купленный в порыве «все изменить».

Накрасила губы, поджала их, посмотрела на себя критически. Со стороны женщина, делающая это в лифте, выглядит либо самоуверенной стервой, либо клоуном.

Я склонилась ко второму варианту, но, к своему удивлению, отражение отвечало: «Вроде неплохо. Даже сносно. Глаза выпавшиеся (спасибо трём каплям корвалола), новый жакет не жмёт в плечах. Держись, Наталья Леонидовна».

Двери разъехались, открыв пространство, от которого у меня на секунду перехватило дыхание. Не от роскоши – от её холодной, безупречной стерильности.

Громадный зал с панорамными окнами во всю стену, отливающий матовым блеском белый мрамор, приглушённый свет, исходящий непонятно откуда, и тишина, густая, как крем в пирожном за тысячу рублей.

Воздух пах деньгами. Не теми, что пахнут кофе и машинным маслом из моего автосервиса, а другими – вымороженными, цифровыми.

За массивным стойком ресепшн, похожим на арт-объект, сидела девушка. Не девушка – иллюстрация из глянца. Безупречный пучок, идеальный макияж, взгляд, который скользнул по мне, за секунду оценив стоимость всего моего обличья, включая ту самую помаду.

– Чем могу помочь? – голос был мелодичным, но без единой тёплой ноты.

Я подошла, стараясь не шуметь каблуками.

– Мне нужно срочно увидеть вашего директора. Это по личному вопросу.

Брови «иллюстрации» поползли вверх на миллиметр.

– У вас назначена встреча?

– Нет. Но это очень срочно. Скажите ему, что меня зовут Прохорова Наталья Леонидовна.

Девушка, не сводя с меня глаз, нажала на гарнитуре едва уловимую кнопку. Проговорила тихо, почти шёпотом. Промолчала, слушая ответ. Потом её взгляд стал... не то чтобы жалобным, но снисходительно-сочувствующим.

– К сожалению, он крайне занят. Собирается на срочные переговоры и, фактически, уже уезжает. Принять вас он не может. Вы можете оставить ваши контакты...

Это был момент, когда внутри всё сжалось в холодный ком. Но где-то там, в глубине, зашевелилась та самая самоирония – последний бастион отчаяния. «Ну конечно, Наташ, а ты чего хотела? Что он тут тебя с распростёртыми объятиями ждал?»

И вдруг, из какой-то потаённой кладовой памяти, выплыло имя. Девичье.

Я сделала шаг вперёд и сказала твёрже, чем чувствовала сама:

– Тогда передайте ему ещё раз. Скажите, что его хочет видеть Наталья Леонидовна Веремеева.

Эффект был мгновенным. Девушка на ресепшн моргнула. Она снова нажала кнопку и, отвернувшись, повторила в микрофон:

– Простите, здесь к вам Наталья Леонидовна Веремеева. Настаивает на встрече.

Пауза была короче. Девушка обернулась, и её лицо изменилось. Исчезла снисходительность, появилась вежливая, почти что живая, внимательность.

– Он примет вас. Пять минут. Его кабинет – вон та дверь в конце зала, справа. Пожалуйста.

Я кивнула, поблагодарила – голос не дрогнул, слава богу – и пошла по бесшумному ковровому покрытию, ощущая её взгляд на своей спине.

Вошла, закрыв за собой тяжелую дверь, нарочито уверенно подняв подбородок.

Внутри все кричало: «Я – мать. Единственное, что есть у моей дочери. Ее честь, ее будущее, ее разбитое доверие».

Я приготовилась к битве, вжала каблук в идеальный ковер, собрала в кулак весь свой праведный гнев и... остолбенела.

За массивным столом из темного дерева сидел не абстрактный «директор Каримов». Сидел он.

Тот самый Каримов! Которого я не видела двадцать лет. Тот, чье имя я вычеркивала из памяти все эти годы.

Время над ним не просто не властно. Оно с ним заключило выгодный договор. Тогда, двадцать лет назад, он был красивым, дерзким, мальчишкой из бедной семьи.

Сейчас передо мной был мужчина, в котором материализовалась власть с подавляющей, почти физической силой.

Седые виски не старили, костюм был просто его второй кожей, подчеркивающей широкие плечи и подтянутую фигуру.

От него веяло не просто богатством – абсолютной, врожденной уверенностью в том, что мир лежит у его ног. И он этим миром разумно и твердо управляет.

Он смотрел на меня – не на дверь, а конкретно на меня – и в его карих глазах, которые я, казалось, навсегда стерла из памяти, промелькнуло узнавание.

Легкое удивление, секундная перезагрузка... и затем нежность. Теплая, глубокая, которая заставила мое сердце тогда трепетать как колибри.

Мой запал, вся моя праведная ярость, с которой я входила, чтобы громить и требовать, схлынули мгновенно и бесследно.

Будто кто-то выдернул пробку из надутой до предела шины. В горле пересохло.

Я стояла, чувствуя себя не защитницей дочери, а той самой Наташей, которая в дешевых джинсах и с книжкой стихов ждала его под старым тополем у общежития.

И он сказал. Тихо, без тени начальственной сухости или отстраненности. Голосом, в котором была странная смесь извинения, грусти и какой-то неизбывной теплоты, пробивающейся сквозь годы.

– Ну, здравствуй, Наташа.

4

Марат

Голос Стеши, моей помощницы, обычно такой ровный и профессиональный, прозвучал из трубки с едва уловимой, тревожной ноткой:

– Марат Ахмедович, к вам... Веремеева Наталья Леонидовна. Настаивает.

Мир на секунду ушел в белый шум.

Веремеева.

Эту фамилию я никогда не забуду. Она отпечатана где-то глубже памяти, на уровне позвонков.

Неужели мне не послышалось? Наташа?

Это какая-то жестокая случайность? Моя птичка, нежная Наташа Веремеева – любовь, которую я замуровал в самом дальнем и прочном склепе своей души?

Двадцать лет прошло. Целая жизнь.

Эта фамилия прозвучала, как удар под дых, точный, безжалостный, сшибающий дыхание.

Я не помнил, что ответил Стеше. Кажется, кивнул, хотя она этого видеть не могла. Велел провести.

Рука сама потянулась поправить галстук, механический жест самоконтроля.

Сердце, привыкшее отмерять удары ровно и экономно, забилося с идиотской, юношеской частотой где-то в горле.

И тогда дверь открылась.

Она вошла. Не Наталья Леонидовна. Не дама с деловым визитом.

Вошла Наташа. Та самая. Бойкая, дерзкая, с тем самым вызовом в глазах цвета янтаря, которые когда-то сводили меня с ума.

Будто ничего не поменялось. Будто не прошло этих двадцати лет, не было ни моих побед, ни её тихой жизни где-то там, без меня.

Она, казалось бы, не изменилась. Двадцать лет лишь отточили ее черты, добавили несколько едва заметных морщинок у глаз – не от старости, а от смеха и, возможно, усталости.

Но взгляд... о, этот взгляд был всё тот же! Горячий, прямой, пышущий той самой внутренней огненной красотой, которую не спутаешь ни с чем.

Она не состарилась. Она вызрела. Стала только ярче, острее, собраннее.

Наташа остановилась напротив моего стола, не опуская глаз. В её позе читалась и готовность к бою, и какая-то невероятная, знакомая до боли, уязвимость.

Мой шок начал превращаться в миллион вопросов. Зачем? Почему сейчас? Что случилось? Но все они разбились о простой, невероятный, я бы даже сказал, невысказанный факт её присутствия.

– Ну, здравствуй, Наташа, – вырвалось у меня, и голос прозвучал чужим, приглушенным.

Больше я ничего не мог сказать. Просто смотрел на неё, пытаюсь совместить в голове образ той девчонки в потрепанных джинсах и эту женщину, стоящую в моём кабинете, пахнущую не сигаретным дымом из старого гаража моего отца, а чем-то другим – дорогим, но всё равно её.

Она кивнула и села в кресло напротив, приняв ту самую, выверенную годами позу – прямая спина, руки на коленях, подбородок чуть приподнят.

Все та же королева на табурете, как я называл её тогда в шутку. Я нажал кнопку на телефоне.

– Стеша, пожалуйста, два кофе. Или... – я встретился с её взглядом, и старая привычка сработала сама собой. – Чай. С ромашкой, как ты любишь?

Уголок её губ дрогнул в едва уловимой, почти призрачной улыбке. Она кивнула.

И этот кивок, эта улыбка, меня размазала. Потому что это была не просто деталь. Это был код доступа к другой жизни.

К тому времени, когда она, эта прекрасная умница, пыталась цивилизовать меня, дикого зверя с моторным маслом под ногтями.

Она любила всё делать по правилам. Чай – только английский, в тонкой фарфоровой чашке, которую я боялся раздавить своими медвежьими лапами. Она учила меня, неандертальца, сидеть за столом на приемах.

– Марат, локти не на столе. Вилку держи вот так. Не пей залпом, это не квас.

Её пальцы поправляли мою руку, и от этого прикосновения у меня перехватывало дыхание и кружилась голова сильнее, чем от любого вина.

А потом был её родительский дом. Тот самый, куда она собиралась меня привести. Не дом – храм. Полки до потолка, забитые книгами на непонятных мне языках. Воздух, пропахший старым переплетом, пылью и тишиной.

Её родители – не просто мама и папа. Целая династия. Профессора с кафедры филологии и иностранных языков.

Люди, в чьих жилах текла, казалось, не кровь, а чернила и мудрость веков. Их единственная дочь. Принцесса этой академической империи.

И я. Сын простого автомеханика. Парень, чьё будущее ограничивалось стеной гаража и запахом бензина. Без образования, кроме техникума. Без связей. Без родового гнезда. Только амбиции, кулаки и безумная, всепоглощающая любовь к их дочери.

Она верила в нас. Искренне, одухотворенно. Говорила, что любовь и ум всё преодолеют. Что её родители оценят мою прямоту, мои руки, которые могут всё починить.

Она готовила меня к этой встрече, как к главному экзамену в жизни. Учила, какие темы поднять, о чём молчать, как правильно подать салфетку. Я зубрил имена философов и писателей, путая Кафку с капучино.

Но я-то знал каков наш мир на самом деле. Я видел, как её отец, профессор Веремеев, смотрел на меня.

Взгляд был не презрительным. Хуже. Он был отстраненно-вежливым, как на насекомое под стеклом микроскопа. Интересным объектом, но не живым существом из одной с ним вселенной.

Каковы были наши шансы? Если честно – никаких. Нулевые. Мы были из разных племён.

Её мир строился на словах, идеях, тонкостях. Мой – на железе, конкретике и выживании. Любовь – да, она была настоящей. Я бы лёг и умер за неё.

Но любовь не стирает социальные пропасти, она лишь натягивает над ними хлипкий мостик. А потом приходит жизнь. И первыми с этого мостика сдувает тех, у кого нет страховки в виде родства, положения, общего языка.

Я это понял тогда. Понял, когда, глядя в её сияющие, полные веры глаза, уже знал исход. Я не мог вписаться в её мир. А вытащить её в свой – означало сломать ей крылья.

Стеша внесла поднос. Чашка с чаем, от которого тонко пахло ромашкой и прошлым. Чай, который я не пил намеренно вот уже двадцать лет.

Наташа вежливо поблагодарила и обхватила чашку ладонями, будто греясь. А я смотрел на неё и не мог налюбоваться.

– Ты прекрасно выглядишь, птичка.

Она подняла на меня глаза. В них замерцало что-то сложное – целая жизнь, прокрученная за секунду. Я видел это.

Видел, как в её взгляде ожили тени нашего общего прошлого: первое свидание, запах первого осеннего дождя и первого поцелуя под ним, наша первая ночь, мои неуклюжие попытки говорить на языке её мира, а её – на моем.

Мы молча смотрели друг на друга, утонув в том давнем свете. Это было сладкое и горькое, но одновременно головокружительное воспоминание.

В этот хрупкий миг тишину разрезал деликатный, но неумолимый сигнал моего сотового. Амир, мой сын уже целый день пытается прорваться ко мне, чтобы сказать что-то важное. Я не ответил. И это начало меня разъедать.

Затем дверь приоткрылась, и в щели показалось бледное от беспокойства лицо Стеши.

– Марат Ахмедович, напоминаю о встрече с китайской делегацией. Через пятнадцать минут. Все уже в переговорной.

Я оторвался от Наташиного взгляда, чувствуя, как реальность снова смыкается вокруг.

Эта встреча. К ней шла долгая, кропотливая подготовка. Месяцы переговоров, выверенные детали, стратегическое партнерство, которое должно было открыть новый континент возможностей. Все было поставлено на карту.

Я посмотрел на Наташу. На ее руки, сжавшие край стула. На ту едва уловимую потерянность в уголках губ, которая тут же, стоило мне моргнуть, скрылась за новой, непроницаемой маской.

– Пятнадцать минут. Если не выйду, отмените, – произнес я ровно, не повышая тона. – Перенесите. Извинитесь перед господином Минг Жи. Скажите, что возникли непредвиденные чрезвычайные обстоятельства личного характера.

Лицо Стеши исказила судорога профессионального ужаса.

Совершить такое – означало бросить вызов не просто расписанию, а всей логике этого места.

– Но, Марат Ахмедович... Они уже...

– Стеша, пожалуйста, – сказал я мягко, но так, чтобы не оставалось сомнений. – Совершите невозможное.

Она кивнула, сглотнула и бесшумно исчезла, обреченно отправляя в тартарары графики, протоколы и дипломатический этикет.

Дверь закрылась. Цена только что произнесенных слов начала медленно, но верно проясняться где-то в подкорке холодным грузом. Миллионы. Репутация. Доверие партнеров. Все это теперь висело на волоске из-за женщины, от которой у меня до сих пор сжималось сердце.

Я перевел взгляд обратно на Наташу. И замер.

Заминка, это резкое, грубое вторжение настоящего, изменило все. Очарование прошлого было безвозвратно потеряно.

Она словно очнулась от сна. Плечи ее распрямились, спина выпрямилась в тугую, упругую струну.

И взгляд, который она устремила на меня, был уже не тем – ностальгическим, растерянным, теплым. Он стал острым, жестким, наполненным холодным и точным вызовом. В нем горел вопрос, требующий ответа. В нем не было и тени той девчонки, которую я помнил.

«Неужели, спустя столько лет, она узнала правду?», – промелькнуло в голове с внезапной ясностью.

Ее приход сюда, эта решимость, этот огонь в глазах – это же не было случайностью. Не ностальгией. Это был визит с конкретной целью.

Сердце сжалось от недоброго предчувствия. Моя беспечность, мое вечное погружение в бизнес, мои откупы дорогими подарками вместо внимания... Все это могло вылиться во что-то непоправимое. Что-то, что привело ко мне ее – единственную женщину, которую я когда-либо по-настоящему любил и... боялся.

– Наташ, я очень рад тебя видеть... – начал я, и мой голос прозвучал чуть хрипло. – Скажи, зачем ты на самом деле пришла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.